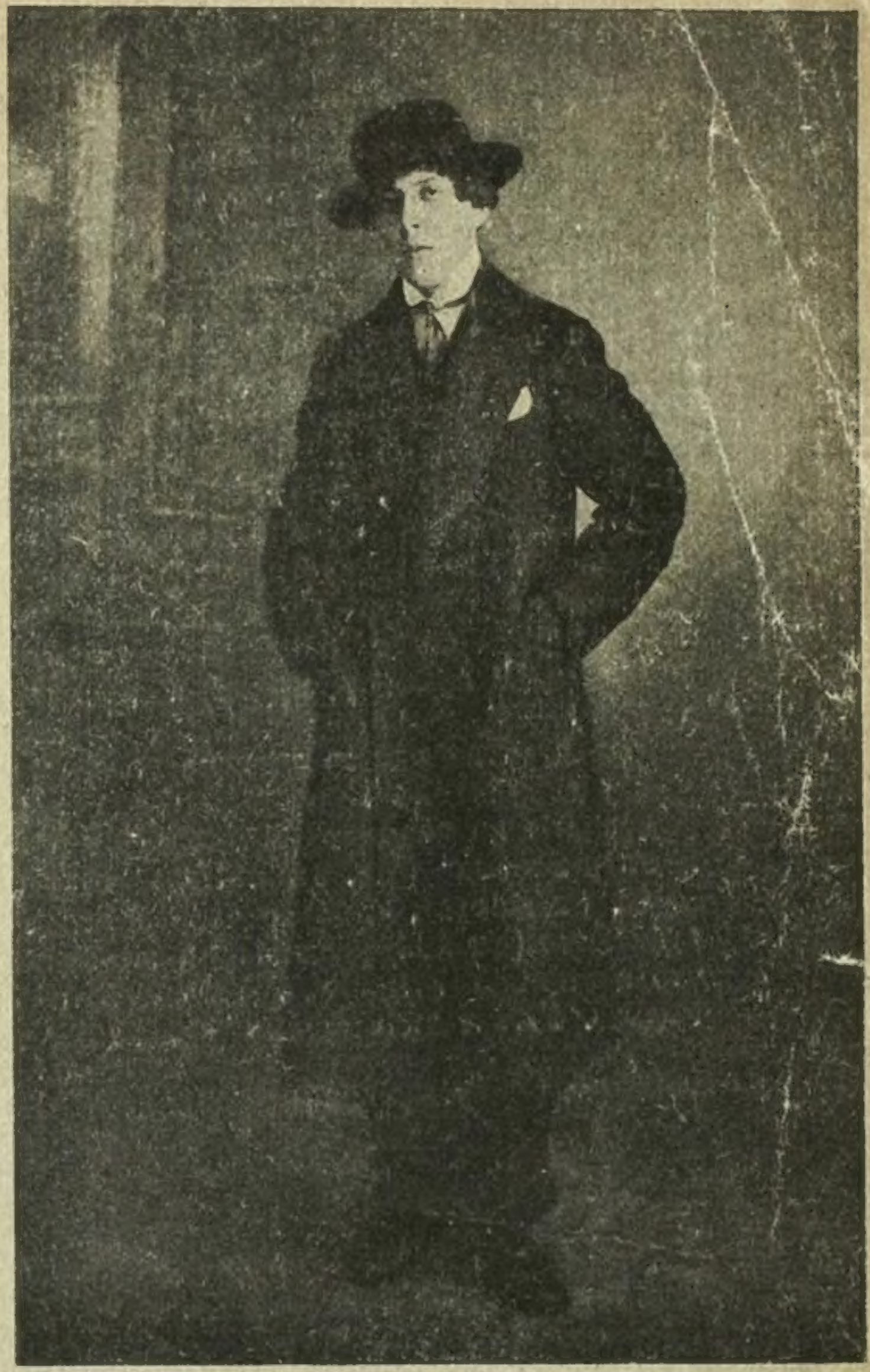
ПЕБОКОШЬІ

§ 39. непогребеннымъ вѣренъ грумъ—Растай въ Алѣющей Химерѣ костлявый полоскатель суевѣрій—Мой умъ.

§ 40. ни Тотъ, ни Та Тебѣ
Единый,
Тебѣ Прозрачный моноплан̀ъ,
И если возжелалъ звѣринымъ—
Онанъ.



Ив. В. Игнатьевъ

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ „ПЕТЕРБУРГСКАГО ГЛАШАТАЯ“.

Любезный г-нъ директоръ Иванъ Васильевичъ! Не будете-ли вы столь любезны отдать эти строки въ наборъ для VIII эдиціи, озаглавивъ „Одному слишкомъ развязному критику“.

Въ іюльской книгѣ „Русскаго Богатства“ имѣется пространная статья г-на А. Е. Рѣдько о эго-футуризмѣ. Вставая на защиту эго-футуризма отъ акмеизма, этотъ критикъ съ развязностью необычайной цитируетъ теоретическіе статьи и поэзы эго-футуристовъ. Но тутъ обнаруживается абсолютная неосвѣдомленность г-на Рѣдько въ новѣйшихъ поэзныхъ теченіяхъ. Съ поверхностью достойной критика г-нъ Рѣдько причисляетъ поэтовъ Хлѣбникова и Крученыхъ къ эго-футуристамъ и на основаніи ихъ поэзіи защищаетъ эго-футуризмъ. Невольно приходитъ на память русская пословица о томъ, кто опаснѣе врага. Дѣло въ томъ, что никогда ни Крученыхъ, ни Хлѣбниковъ, не были эго-футуристами, а являлись, наоборотъ, его злѣйшими врагами. Издаваемый при ихъ сосьетерствѣ «Союзъ Молодежи» (тоже причисленный г-мъ Рѣдько къ эго-футуристическимъ органамъ) всегда былъ враждебенъ эго-футуризму. Не далѣе, какъ въ VII эдиціи «Пет. Глашатая“ была статья о недомысліи господъ Крученыхъ и Хлѣбникова. Далѣе привожу примѣры дальнѣйшихъ подтасовокъ г-на Рѣдько:

Никогда ни одного диступа эго-футуристы не устраивали, вопреки увѣрѣньямъ г-на Рѣдько на стр. 185. 1) Также никогда эго-футуристы не называли Блока и Сологуба „разгульниками за столомъ реализма“ (стр. 186). Наоборотъ, Сологубъ участвовалъ въ „Пет. Глашатаѣ“, какъ сочувствующій. Что есть общаго между кубистами (живописная школа) и эго-футуристами (поэзная школа), что постоянно отмѣчаетъ въ своей готентотской критикѣ г-нъ Рѣдько. Ужъ если мыслимо сравненіе, то конечно не съ куби-

См. на 3 стр. обложки.

К185 5/4 185

ВАСИЛИСКЪ ГНѢДОВЪ.

Птиьокмонь.

молокослащькомъ
удалекойпращиком
уйъмано

футурошноьсвайрено

помазалисердызоь

сладошнослащо
2-й годъ послѣ Смерти. молокосо.

Зубатыйьволк.

лечгаграчичеленыхъкоромыслъ
Втойльпѣзабытымъчислъ
Однилряднокакомуиневидѣлъ
Такихусиѣлувидѣтьидавно.

ростетгорамзаобидулихоманья
забытьворковаслезойь
Сиппонесзакраемвышелъ
1915 г. по Р. Х. Толпуобрядилъзабой.

Вчера.

чешитеколомголову
верстуноситеблюдами
Станетеверблюдыми
Явышелевпогоньга

Сегодня.

Небокопытаприволья
лужаприъветьморяках
бабушкакуликазелен
нашиьгорохишутах.

Завтра.

Порваьласузда
послѣенасмерти
Всѣпрыгнутвышелба
2549 г. по Р. Х. Огоньпримчатспасетьейь.

Хитрая Мораль.

Ну—такънапасмурено—напайсмурено—
доПчелойНевозможни.
ВыросъзелкійЯвронагранитойпроходи...
ЦвѣтыностреkоталиплеснулиЗонты
кудряво—звончалъвечерійсвистунъй...
воротилосьполержи—заперепелила
мохаяпостельплитасвалиласьна
прошло...Звѣздонеумирало...
ОдномалоеПискалоещебѣгала—ноги
скороподрѣзяуяь...
УненастоящыЛицорастаетъ—
мокрыебѣгляки уворокнутъгладь...
Причинаизвѣстна—Ненастоящее...
Негодыйрепейнецарапитъ—ЕстьиглаГрома
иВоронъпереkаркаетъГромъЗавтра...
ПрибѣгутъЛисицы—умилѣются—поклоны
Вашимъ—Нашимъзасуетятъ—хлопни
полысинѣ—заблагодарять--совѣстьне
рвется—можетесъудобоюрастягивать—
закускапріятая—мѣдякъопозолотый.
УкроваСмертиотъЛисицънесшить—
ОстанешьсъЗолотойНаплевѣ...иголовыми
ПольмиСнѣга...
УгрядайЛисицыпочуютъдобытьзаслѣдятый.

1999 г. по Р. Х.

Коловоротъ.

Благодаьр средмірье средмирье сердцы міра ягоьда душіткі конь неъ споьткнеть сердцеъ міра ядкоь кров сквози воренко верх по подъ лѣтиьш обнимвс свирелькь—засквози средьмірьо подкукуйь кукуле бога разорви Голубъ крыле пѣжо глуб скорѣл бѣзнежи Кровь на половину карійъ пополам сбросѣ тоски десятку сердцеъ в печи выбрось загуди ослам. Средьмирьо ликоватко гроб ему десятка разсеви мохнаътка выросли крючек‘ на Душе развиши сердце на низанку на низанкѣ веши полтоски вязянки Полтоски повѣсяйъ полтоски корми Выкормиший напойш по скалям разгониш сядло на могилкѣ пѣвшно расплалеш березнякъ средмирьеъ елека плекатка сердце кружат болье разрываютъ сладко сладошн пусты коньчикй ест она без лапок говоритъ умилоь не бьетъ сзади ежели ударнит скало задохнешся зазвениш средьмійрьо тоску скуешь Вы тоску не куйтеъ куйте одно лапу пальцы пососите захватъ вертливъ. Ширина не шири счастьей не обертко гадо на повалъ. на лицу успешки не ядко усмѣшка колос неоцвѣтен счастьейь без вязла. счастьо то горе все по половинѣ грызляко мышатки болеш ни за чѣмъ. Закостило сердьцѣ сладко мишуьрою в рукав вполоснуло двѣ горы кинжалъ. Благодаръй средьміре положай калитку водь притворы притворы не притворы выпустиш изъ уха два кинжало полныхъ скажеш молно крыле О и А-у-О распояшеш пѣсни улечи ворон средьмір полосок трепетен упадо.

1980 г. по Р. Х.

Первовеликодрама.

действОильѡ
лицОильѡ
времядленьяОильѡ

беляьтавилючиъмохаиодроби
сычякаьяпульсмиляетъьгадай
оснахъповеликайьустыизъосами
одназамотыноодноичепраком
устыеустыпомешасидит
извилоизъдоъмкипооянетяликъ
ивотънасукуположоистукайькосмато
завивайЗавиьвайпроносоияуайайнемоьй
стоьйиспогьнетзалежутънасваяьхдупи
Овотгдѣрослоьйморeплавосива
происходитъ безъ помощи бездарей
38687 г. по Р. Х. Станиславских прочи

Азбука вступающимъ.

Посолнцезеленуолѣшьтоскло
перепелусатошершавит
Осіянноеосипоноситъ
красносерпопроткнувшемужаба
Кудролещеберезевеньспойь
переспойулетилосолнцемъ
Нассчитаютъдураками
амыдуракилучшеумныхъ.

1913 г. по Р. Х.

АНС. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ.

Зеленый бумъ.

«Бить человѣка за то, что онъ иначе смотритъ на вещи» восклицаютъ гг. нео-футуристы на первой страницѣ своего «вызова общественнымъ вкусамъ», по поводу поступка Балашова и тутъ же именуютъ И. Рѣпина «обыкновеннымъ маляромъ»...

На одной изъ слѣдующихъ страницъ:

«Ничтожные цеховые мастера Леонардо да Винчи, Микель-Анджело, Рафаэль»...

дальше:

«а этотъ прославленный пошлякъ Пушкинъ»...

...«Любимецъ писарей и кухарокъ П. И. Чайковскій».

Очевидно гг. нео-футуристы понимаютъ слово «бить» только въ его буквальномъ—не переносномъ смыслѣ.

Въ этомъ же ихъ credo стоитъ:

«Не посѣщайте музеевъ, ибо это испортитъ вашъ вкусъ».

и тотчасъ вслѣдъ:

«Подайте петиціи чтобы былъ открытъ м у з е й *) (?) народныхъ вывѣсокъ и лубковъ».

Затѣмъ:

«Отвергнемъ вчерашній день! Его не было!

Не должно быть!»

Но на той же страницѣ рекомендуется изображать interieur въ духѣ „психо-интимистическаго“ принципа: Комната. Косой с т а р и н н ы й рояль. Диванъ краснаго дерева. На стѣнѣ портреты п р о ш л а г о—и вамъ рисуется картина: здѣсь живутъ люди, бывшіе когда-то помѣщиками, но прогорѣвшіе.

Что это какъ не возсозданіе извѣстными средствами п р о ш л а г о быта,—вчерашняго дня?

Пресловутый же „психо-интимизмъ“, вводимый гг. нео-футуристами „впервые не только въ Россіи, но и на Западѣ“, извѣстенъ однако весьма почтенное число лѣтъ, какъ методъ стилизаціи, наибольшой экономіи изобразительныхъ средствъ.

Свое творчество гг. нео-футуристы изображаютъ такъ:

Оно с л у ч а й н о и с в о б о д н о (отъ кого, чего?)

„Взялъ листъ бумаги и началъ карандашемъ свободно и с л у ч а й н о водить. Сначала получается хаотическое нагроможденіе линій. Вглядываешься и в д р у г ъ эти линіи сплетаются по стройной ассоціаціи идей въ уклоненія съ истиннаго пути, въ душевные сумбуры. В д р у г ъ ясно эти линіи вызовутъ впечатлѣніе лабиринта города“. (А «вдругъ» не вызовутъ?).

Такъ же и въ стихѣ.

---

*) Курсивъ вездѣ мой. *А. Ч.*

„Ибо въ природѣ все случайно—свободно".

— Мы привыкли однако думать, что природа и искусство—отнюдь не синонимы, какъ не синонимы—вино и виноградъ.

На основаніи «случайнаго» метода гг. нео-футуристовъ, величайшими художниками у нихъ могли бы быть слѣпые, безсознательно чертящіе линіи, изъ которыхъ „вдругъ" что-нибудь получится и малыши, у которыхъ часто домъ столько же похожъ на собаку, сколько и на подзорную трубу («Писалъ пейзажъ, покрылъ бумажкой, мазки расплюнулись, соединились и дали новую чудную симфонію—портретъ»).

Гг. нео-футуристы, очевидно,—не хозяева своего творчества, а его случайные рабы. О волевомъ принципѣ новаго искусства, отъ котораго они, какъ неблагодарныя дѣти, кусающія грудь своей кормилицы, открещиваются руками и ногами (Ужъ эти Блоки, Брюсовы, Бальмонты!)—они должно быть и не слыхивали.

Что вліяло на появленіе гг. нео-футуристовъ?

„Народные примитивы, главнымъ образомъ персидскіе,—Гогенъ, Сезаннъ, Матиссъ, Пикассо, Маринети, „геніальный" Д. Д Бурлюкъ...

Если исключить изъ этого перечня „геніальнаго" да еще нынѣ здравствующихъ трехъ послѣднихъ, то всеже придемъ къ воздѣйствію „проклятыхъ" музеевъ, проклятаго прошлаго...

Изъ рисунковъ гг. нео-футуристовъ, приложенныхъ къ этому „фоліанту" (гг. Грибатникова, Григорьева, Михельсона, де-Гура и др.) единственно и безусловно хороши только тѣ, на которыхъ стоитъ: подражаніе древне-персидскимъ рисункамъ.

О стихотвореніяхъ, за исключеніемъ очень мелодическихъ „зорь" Михельсона и выразительныхъ городскихъ импрессій А. Грибатникова (въ духѣ А. Блока)—мы лучше умолчимъ...

Возьмемъ другой „фоліантъ" — „Пощечина общественному вкусу...

„Бросить Пушкина, Толстого, Достоевскаго и пр. съ Парохода Современности...

„Парфюмерный блудъ Бальмонта"... „Бумажныя латы воина Брюсова"... „Грязная слизь книгъ Леонида Андреева"...

„Только мы—лицо нашего Времени"

Кто же однако эти горделивые мы?

Два Бурлюка, Лившицъ, Крученыхъ, Хлѣбниковъ, Маяковскій, Кандинскій...

Чѣмъ нагрузили эти геніи Пароходъ современности? Что даетъ имъ право съ такою легкостью выбрасывать какъ мертвый грузъ своихъ великихъ соотечественниковъ?

„И вновь—излюбленныя латы
Излучены въ густой сапфиръ"...
„...Я долго буду помнить волчью
Дорогу, гдѣ блуждала ты..."

Полны нѣжныхъ и лучистыхъ образовъ нѣвучіе стихи Б. Лившица... но, ахъ, развѣ это не стихи Александра Блока?

Д. Д. Бурлюкъ—развѣ не имѣетъ предшественниковъ... Зачѣмъ имена?

Статья Н. Бурлюка и В. Хлѣбникова, рѣзко и вполнѣ основательно критикуя „неживописныя“ и „предметныя“ тенденціи нашихъ художественныхъ критиковъ, пожалуй, является единственнымъ значительнымъ произведеніемъ упомянутаго „фоліанта“.

Enfant terrible' емъ „пощечниковъ“ (въ каждой групкѣ вѣдь долженъ быть таковой въ роли квасной „изюминки“) является А. Крученыхъ.

Повидимому—на сколько можно судить по его произведеніямъ—это молодой поэтъ, претендующій на роль „крайняго лѣваго“ вездѣ, гдѣ бы онъ ни появился. А. Крученыхъ—безспорно плодовитъ, энергиченъ, неистощимъ въ изобрѣтеніи различныхъ междометій и образованій изъ нихъ новаго волапюка. Вопросъ только въ томъ—талантливъ ли г. Крученыхъ настолько, чтобы его талантливость искупала все его—скажемъ прямо—озорство?

Между прочимъ въ одномъ изъ послѣднихъ „фоліантовъ“ Крученаго „Взорваль“ находимъ:

„Изъ неумолимаго презрѣнія къ женщинѣ и дѣтямъ въ нашемъ языкѣ будетъ только мужской родъ“.

Однако это не мѣшаетъ ему посвящать свои произведенія неумолимо имъ „презираемымъ“ и воспѣвать „Старинную любовь“ и пр.

Итоги:

Всѣ эти футуристическія групики, весьма многое заимствовавшія изъ программы болѣе скромныхъ и болѣе талантливыхъ эго-футуристовъ (И. Игнатьевъ, И. Сѣверянинъ, В. Гнѣдовъ, Крючковъ, Олимповъ, Широковъ, Шершеневичъ и др.), привѣтствуемы нами главнымъ образомъ въ ихъ поступательной борьбѣ съ академической рутиной, косностью и пошлостью, налипающими черезъ извѣстные промежутки лѣтъ на каждомъ, хотя бы и прогрессивномъ знамени. Но, стремясь, каждая изъ нихъ, непремѣнно перещеголять другую въ „крайней лѣвости“, они повторяютъ всѣ досадныя ошибки крайнихъ партій, борясь прежде всего между собой, а не съ общимъ и далеко еще не побѣжденнымъ врагомъ, весело при этомъ потирающимъ руки... Боюсь, какъ бы, при такихъ условіяхъ, въ грядущей схваткѣ съ врагомъ, имъ не пришлось бы сыграть роль пушечнаго мяса—какъ это уже часто случалось въ исторіи.

ВИКТОРЪ ХОВИНЪ.

Модернизированный Адамъ.

Пришелъ новый Адамъ. Пришелъ въ русскую современность и по приходѣ своемъ сразу же попалъ въ некрасивую исторію: бѣднаго прапроотца „передернули“ въ родоначальники новой литературной школы. Группа поэтовъ, вынырнувшая изъ гущи литературной жизни, объявила себя „новыми адамами“ и стала утверждать самоцѣнность міра, будто бы въ противоположность Адаму, неоцѣненному нами.

Заявили о своемъ неожиданномъ для всѣхъ приходѣ въ литературу новые поэты въ достаточной степени шумно: придумавъ многообѣщающую кличку „акмеистовъ“ (адамистовъ), исторію своего существованія начали они съ яростнаго нападенія на символистовъ, при чемъ въ вопросѣ этомъ проявили малую начитанность, или литературную нечестность, ибо слишкомъ откровенно извратили основныя положенія символизма.

„Для внимательнаго читателя ясно, что символизмъ закончилъ свой кругъ развитія и теперь падаетъ“ — говоритъ одинъ изъ акмеистовъ. Гумилевъ, въ „Аполлонѣ“ и почти ту же мысль, тамъ же, повторяетъ Городецкій *). Можно принимать, или не принимать символизмъ, какъ литературную школу въ цѣломъ, но нельзя отрицать, что эта школа въ лицѣ Бальмонта, Блока, Брюсова, В. Иванова и Сологуба—значительный этапъ въ развитіи русской литературы. Конечно, литературная молодежь вправѣ говорить о новыхъ творческихъ горизонтахъ, но, увы, у акмеизма ихъ нѣтъ; она вправѣ отрицать значеніе своихъ предшественниковъ въ порывѣ страстности и революціоннаго пыла, но послѣдняго и не бывало въ акмеизмѣ.

Обвиняя символистовъ въ непонятности, акмеисты (сами) грѣшатъ безсмысленнымъ наборомъ высокопарныхъ словъ. Но если за непонятностью символистовъ всегда кроется мысль, достойная того, чтобъ ее разгадать, хотя бы „при помощи словарей и подстрочниковъ“, то все же это предпочтительнѣе безсмысленной непонятности акмеистовъ. „Какъ высшая награда, ни на мигъ не останавливая нашего вниманія грезится намъ образъ послѣдняго часа, который не наступитъ никогда. Бунтовать же во имя

---

*) Для непосвященныхъ. Городецкій это тотъ самый С. Городецкій, который сначала былъ символистомъ, потомъ мистико-анархистомъ, потомъ... нынѣ же теоретикъ акмеизма въ числѣ другихъ почтенныхъ литераторовъ—рьяный сотрудникъ бульварной дешевки, именуемой жури. «Аргусъ». *В. Х.*

иныхъ условій бытія здѣсь, гдѣ есть смерть такъ же странно, какъ узнику ломать стѣну, когда передъ нимъ открытая дверь"... Но что это за образъ послѣдняго часа, который грезится Гумилеву и не нарушилъ ли онъ цѣломудреннаго отношенія къ слову, превозглашеннаго акмеизмомъ?..

„У акмеистовъ роза опять стала хороша сама по себѣ, своими лепестками, запахомъ и цвѣтами, а не своими мыслимыми подобіями съ мистической любовью или чѣмъ нибудь еще... Троицка удала и хороша своими бубенцами, ямщикомъ и конями, а не притянутой подъ ея покровъ политикой". Все это, и не могущее претендовать на оригинальность и новизну, не такъ ужъ не достойно было бы вниманія, если бы не теряло своего значенія и не пріобрѣтало иную окраску въ потокѣ нелѣпыхъ сужденій о злѣ наслоеній культуръ и звѣриныхъ достоинствахъ адамизма.

Современный символизмъ обязываетъ: самоуглубленіе и ученичество, вѣчное ученичество—вотъ девизы его, а новый Адамъ, придя въ литературу, съ митрофанушкиной безвастѣнчивостью оплевалъ и вѣчныя цѣнности, и дерзостную смѣлость человѣка въ изначальномъ стремленіи его къ далекому и невѣдомому. „Сбивъ наслоенія тысячелѣтнихъ культуръ, онъ понялъ себя, какъ звѣря, линеннаго и когтей, и шерсти, и не менѣе радостнымъ міромъ представился ему микрокосмъ человѣческаго тѣла, чѣмъ макрокосмъ остывающихъ и вспыхивающихъ солнцъ"...

Сначала могло показаться, что появленіе новыхъ поэтовъ знаменуетъ собою нѣсколько запоздалый возвратъ къ старымъ литературнымъ традиціямъ къ тому художественному реализму, которымъ жива была литература Тургенева, Достоевскаго, Толстого: но какой тутъ реализмъ, когда заговорилъ новый Адамъ о своихъ „звѣриныхъ добродѣтеляхъ", а современную культуру понялъ онъ, какъ „цѣлые томы разсужденій на какой сторонѣ луны находятся души усопшихъ". Впрочемъ, Митрофанушка въ дѣтствѣ своемъ чему то учился, не даромъ возвращается онъ мыслью къ могиламъ, дорогимъ акмеизму и убѣждаетъ насъ въ томъ, что „испытываетъ онъ влюбленность" къ нѣкоторымъ творцамъ и эпохамъ. Шекспиръ, Рабле, Вилонъ и Теофиль Готье—вотъ, эти близкіе акмеизму покойники. Подборъ этихъ именъ не произволенъ,—заявляетъ съ самоувѣренностью Гумилевъ, а далѣе съ непобѣдимой логичностью продолжаетъ: „Шекспиръ показалъ намъ внутренній міръ человѣка, Рабле— тѣло и его радости, мудрую физіологичность; Вилонъ повѣдалъ намъ о жизни, ни мало не сомнѣвающейся въ самой себѣ, хотя и знающей все, и Бога, и порогъ и смерть и безсмертіе: Готье для этой жизни нашелъ въ искусствѣ достойныя одежды безупречныхъ формъ". Какой, однако, широкій полетъ мысли у Гумилева, какъ въ этихъ немногихъ строкахъ сумѣлъ разсказать онъ міру впервые и по новому о глубинахъ, раскрывающихся въ творчествѣ „близкихъ акмеизму" писателей, съ какой обезкураживающей смѣлостью въ этой на-

радоксальной оцѣнкѣ утверждаетъ онъ, что „Шекспиръ показалъ намъ внутренній міръ человѣка“, а каждый изъ перечисленныхъ писателей—„краеугольный камень для зданія акмеизма“. Наивный Митрофанушка, бѣдный Адамъ, поглупѣвшій въ современности, безпомощны твои попытки связать себя съ великими мастерами художественнаго слова, жалки твои слова, когда заговорилъ ты не о своихъ звѣриныхъ добродѣтеляхъ, а о виновникахъ тысячелѣтнихъ наслоеній культуры.

„Человѣкъ есть нѣчто, что должно превзойти“, такъ говорилъ когда то Заратустра, увлеченный мечтой о строительствѣ новой жизни. И мы увлекались проповѣдью его, потому что видѣли въ ней отзвукъ гордаго человѣческаго духа, но ни новые адамы, ни лѣсные звѣри и звѣриныя добродѣтели не увлекутъ насъ...

„Непознаваемое по самому смыслу нельзя познать“, такъ отмахиваются отъ „вѣчнаго“ акмеисты. „Мы немного лѣсные звѣри и во всякомъ случаѣ не отдадимъ того, что въ насъ есть звѣринаго въ обмѣнъ на неврастенію“. О, если бы новые адамы сказали намъ, что преодолѣваютъ они неврастенію во имя полнаго расцвѣта человѣческаго и духовнаго въ насъ, тогда готовы были бы мы понять ихъ и пойти за ними. Все же, пожалуй лучше остаться при неврастеніи, но безъ звѣриныхъ добродѣтелей...

„Бунтовать во имя иныхъ условій бытія здѣсь, гдѣ есть смерть, такъ же странно, какъ узнику ломать стѣну, когда передъ нимъ открытая дверь“, это положеніе вмѣстѣ съ отказомъ отъ „нецѣломудренныхъ стремленій“ къ непознаваемому вполнѣ характеризуетъ „Л е р з о с т н о с т ь“ мысли новыхъ поэтовъ. И адамизмъ, какъ отказъ отъ космическихъ темъ, это не столько стремленіе къ непосредственности восприятій и къ утвержденію самоцѣнности міра, сколько — къ п р и м и т и в н о с т и д у ш е в н ы х ъ п е р е ж и в а н і й.

Характеренъ самый стиль статей Гумилева и Городецкаго: потокъ напыщенныхъ, витіеватыхъ словъ, стремленіе къ кокетливой гримасѣ лѣсныхъ звѣреныней и безконечныя повторенія о трудностяхъ задачъ, поставленныхъ себѣ акмеизмомъ, о „смѣлыхъ поворотахъ мысли“ представителей его, наконецъ, о смѣлости людей, назвавшихъ себя адамистами. Скудостью мысли и отсутствіемъ пафоса ея, о т с у т с т в і е м ъ п а ф о с а ч у в с т в а и м о л о д о с т и поражаютъ „манифесты“ акмеистовъ: холодомъ и ненужностью вѣетъ отъ нихъ, а вѣдь не нужно забывать, что передъ нами новая литературная школа, казалось бы, изрѣкающая очень смѣлыя мысли. В с е з н а е м ъ, н и в ъ ч е м ъ н е с о м н ѣ в а е м с я, с о в с ѣ м ъ м и р и м с я—это говорятъ даже не лѣсные звѣри, а ручные, домашніе...

Если мы указали на отсутствіе въ манифестахъ новыхъ поэтовъ всякаго пафоса, если характерными особенностями ихъ являются холодность и напыщенность, то то же самое слѣдуетъ сказать и объ ихъ творчествѣ. Но въ послѣднемъ раньше всего поражаетъ непохожесть поэтовъ другъ на друга, отчужденность

ихъ поэтическихъ устремленій. Что виной этому--сказать трудно. Или никчемность и лживость адамистическаго міроощущенія, столь прославленнаго новыми адамами, или отсутствіе яркихъ творческихъ индивидуальностей среди нихъ. Вѣроятно и то, и другое, но въ особенности первое, потому что среди адамистовъ есть поэты несомнѣнно талантливые.

Во всякомъ случаѣ дальше общихъ мѣстъ и варіацій использованныхъ уже темъ акмеисты не идутъ. Напрасно грезились Гумилеву «смѣлые повороты мысли», а Городецкому трудности задачъ, поставленныхъ себѣ акмеизмомъ. Пока что акмеисты избѣжали всего этого весьма удачно и отличительной чертой ихъ творчества остается ненужность его, ибо ничего новаго и оригинальнаго не раскрывается въ немъ. До самаго послѣдняго времени большинство изъ адамистовъ находится въ учебѣ у символизма и всецѣло подъ вліяніемъ его. М. Зенкевичъ, напримѣръ, выпустившій сравнительно недавно книгу «Дикая Порфира —поэтъ несомнѣнно талантливый. Напрасно только Городецкій старается убѣдить насъ въ томъ, что для Зенкевича «характерно адамистическое стремленіе», какой ужъ тутъ адамизмъ, какія звѣриныя добродѣтели, когда человѣкъ весь во власти культурныхъ наслоеній, весь пропитанъ изощренностью символическаго воспріятія міра. Плѣненный «дико сумрачной и косной матеріей», приверженецъ своеобразной мистики, всегда поетъ онъ гимнъ «сумрачному богу» и говоритъ о таинствахъ земныхъ религій. Быть можетъ адамизмъ Зенкевича выявляется въ тѣхъ неудачныхъ стихотвореніяхъ, гдѣ претворяется грубый натурализмъ въ художественную безвкусицу:

И безстыдницѣй скрытыя отъ взоровъ
Нечистоты дня въ подземный мракъ
Пожираетъ чавкающій боровъ
Сточныхъ очистительныхъ клоакъ.

Или адамизмъ это—рубленная проза Нарбута?

«Подсохнетъ, надо прикрѣпить застежки.
Пригладить лакомъ бы, да жалко нѣтъ.
Въ засиженныя мухами окошки
Проходитъ пыльными столбами свѣтъ...

Авторъ рифмованной прозы, реалистъ скверная тона—онъ нуждается въ защитѣ самого Городецкаго. Послѣдній пишетъ: „отъ реалиста Нарбута отличаетъ присутствіе того химическаго синтеза, сплавляющаго явленія съ поэтомъ, который и сниться не можетъ никому, даже самому хорошему реалисту. Горшки, коряги и макитры въ поэзіи, напр. И. Никитина, совсѣмъ не тѣ, что въ поэзіи Нарбута: горшки Никитина существовали не хуже и до того, какъ онъ написалъ о нихъ стихи, горшки Нарбута рождаются впервые, когда онъ пишетъ своего „Горшечника“, какъ невидѣнныя доселѣ, но отнынѣ реальныя явленія“. Однако, о какомъ химическомъ синтезѣ говоритъ Городецкій и развѣ это никчемное,

пущенное на воздухъ опредѣленіе характеризуетъ хотя бы отчасти творчество Нарбута и дѣлаетъ убѣдительнымъ для насъ художественность или адамизмъ его? Чѣмъ горшки описанные Никитинымъ хуже горшковъ Нарбута, которые и „не снились“ никому изъ реалистовъ? И, наконецъ, что это за „невидѣнныя доселѣ, но отнынѣ реальныя явленія“? Если адамизмъ—утвержденіе самоцѣнности міра и его явленій, если все лежащее внѣ предѣла видимаго—непознаваемо, а потому не достойно художественнаго воплощенія, то увольте и отъ горшковъ, «невидѣнныхъ», но рождающихся въ творчествѣ Нарбута.

Но кромѣ Зенкевича и Нарбута среди акмеистовъ числятся еще и Н. Гумилевъ, до сихъ поръ, бывшій однимъ изъ самыхъ старательныхъ учениковъ символизма, въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ стихотвореній говорящій о странѣ, „гдѣ выпускаетъ ночь изъ рукава хрустальныхъ нимфъ и вѣнценосныхъ фурій“; и О. Мандельштамъ съ обычными для него причудливыми переживаніями, блуждающій въ „игрушечныхъ чащахъ“ и открывающій тамъ „лазоревые гроты“, и Ахматова, книгу которой „Вечеръ“ „Цехистъ“ В. Гиппіусъ характеризуетъ въ одномъ изъ журналовъ какъ книгу „стилизованныхъ стихотвореній съ причудливыми загадками и изысканными образами“...

Кто же эти таинственные, новые адамы, въ изложеніи своего міроощущенія столь гордые адамистическимъ началомъ въ себѣ въ творчествѣ же своемъ такъ непохожіе другъ на друга?

Характерный эпизодъ случился на докладѣ объ акмеизмѣ, прочитанномъ Городецкимъ во „всероссійскомъ литературномъ обществѣ“.

Одинъ изъ оппонентовъ, г-нъ Невѣдомскій, критикъ изъ марксистскаго лагеря, привѣтствовалъ акмеизмъ, какъ тенденцію къ неореализму и отъ души радовался отношенію акмеистовъ къ декадентамъ и символистамъ. По словамъ сочувствующаго критика акмеизмъ это—реализмъ, возвратъ къ старымъ, но углубленнымъ традиціямъ русской литературы, однако Зенкевичъ, какъ видно не привычный къ кружковой дисциплинѣ, обидѣлся почему то и съ необычайной гордостью заявилъ вдругъ: „мы декаденты“. Апологетъ же адамизма Городецкій, которому принадлежало послѣднее слово, не постарался вывести слушателя изъ недоумѣнія и, не возражая по существу Зенкевичу, выразилъ г-ну Невѣдомскому свою благодарность за „ласковыя слова“.

Реалисты или декаденты?...

Вопросъ несомнѣнно щекотливый, но вопросъ, напрашивающійся самъ собой, ибо несомнѣнно, что никого не удивитъ эта игра въ лѣсныхъ звѣрей. Впрочемъ, что же оставалось отвѣчать Городецкому!—Говорить о возвратѣ къ реализму, пусть даже къ какому то обновленному и углубленному реализму, но это такъ скучно и, пожалуй, несовременно, отмежеваться отъ декадентовъ, но не значило ли это обречь себя на обвиненія въ принадлежности къ старовѣрамъ и избѣжать порицанія приверженцевъ старыхъ тра-

диній это тоже несовременіе). Не проще ли было обойти вопросъ молчаніемъ, а говорить о появленіи новаго адама (вѣдь Адамъ—реалистъ), но Адама модернизированнаго (мы декаденты»)...

Новые адамы съ хитрецой и со способностью приноравляться къ жизни. Пришли они въ литературу скопомъ, ибо это удобнѣе и обезпечиваетъ побѣду. Впрочемъ, о побѣдѣ говорить не приходится, ибо все, что можетъ дать побѣда новой литературной школѣ, до извѣстной степени—въ ихъ рукахъ. Есть у нихъ свой органъ «Гиперборей», но въ ихъ рукахъ и болѣе вліятельный журналъ «Аполлонъ». а Городецкій воспитываетъ читателя въ духѣ адамизма на страницахъ «Рѣчи» [1]). Какъ это случилось? Вѣроятно цеховое устройство виновато... Странная иронія таится въ названіи кружка поэтовъ—«цехомъ». Не будемъ снова поднимать спора о томъ, насколько допустимо такое названіе для группы поэтовъ, въ данномъ случаѣ судьба сыграла злую шутку.—Чѣмъ были бы всѣ эти Гумилевы, Зенкевичи. Нарбуты, Городецкіе, если бы манифестами своими не выдѣлили себя въ новую литературную школу?—Второстепенными поэтами современности, пусть нѣкоторые изъ нихъ обѣщающими, но поэтами, которымъ необходимо во чтобы то ни стало найти себя, предстоитъ выявить свою творческую индивидуальность. Теперь же они сандвичи «новой» истины, мнящіе себя провѣдниками «новой художественной правды».

Безсильные въ своемъ творчествѣ, безсильные въ созданіи яркихъ оригинальныхъ формъ,—предпочли они пойти по линіи наименьшаго сопротивленія: надѣли на себя личины, облачились въ тогу новой идеологіи и... снова оказались безсильными въ попыткѣ обрѣсти себя въ дебряхъ послѣдней. «Духовную жажду» замѣнили они ремесленничествомъ и здѣсь то любопытное совпаденіе характера явленія съ сущностью случайнаго названія, совпаденіе ремесленничества съ цехомъ... [2]).

Кстати, цеховая этика не обязываетъ видно къ тому, къ чему обязываетъ этика литературная.—Прочтите рецензіи Городецкаго въ «Рѣчи»,—какое откровенное и восторженное воскуреніе фиміама своимъ товарищамъ по цеху, и то же самое въ рецензіяхъ Гумилева въ «Аполлонѣ». Но что можетъ быть пошлѣе лишенныхъ всякаго критическаго отношенія, но почти циничныхъ въ самовосхваленіи, «критическихъ отзывовъ» въ «Гипербореѣ»?

Въ первомъ номерѣ „Аполлона“ за текущій годъ въ статьѣ „о стихахъ въ журналахъ 1912 г.“, статьѣ лакейски-подленькой

---

[1]) Теперь къ трофеямъ акмеизма можно прибавить и новую побѣду его: «толстый» «лѣвый» журн. «Завѣты» недавно сообщалъ, что одинъ изъ №№ журн. выходитъ со «стихами акмеистовъ», устраивающихся также и въ прогорающемъ ж. «За 7 дней».

[2]) Какъ бы не протестовали акмеисты, но несомнѣнно, что цехъ поэтовъ—дѣтище акмеизма (или наоборотъ это—не важно).

и мальчишески наивной, Георгій Ивановъ (7-й?!) заявляетъ, что ничего отраднаго не было въ журналахъ за прошедшій годъ. Перечисляя рядъ второстепенныхъ поэтовъ, проходитъ онъ мимо Бальмонта, Брюсова, Блока и В. Иванова и все это для того, чтобы согласно мудрому изрѣченію своему „оставить пріятное къ концу“. А пріятное для поэта изъ цеха, ну, конечно—„Гиперборей“, являющійся „не только журналомъ, печатающимъ хорошіе стихи, но и тѣмъ русломъ, куда стремится все подлинное и живое въ русской поэзіи, прошедшей искусы символизма“...

Какое чувство обиды и горечи должно быть у тѣхъ, кто помнитъ, что „Аполлону“ были переданы традиціи „Міра Искусства“ и „Вѣсовъ“. Не въ первомъ ли номерѣ „Аполлона“ за 1909 г. читаемъ мы въ редакціонной статьѣ: «Аполлонъ—только символъ, далекій зовъ изъ еще не построенныхъ храмовъ, возвѣщающій намъ, что для искусства современности наступаетъ эпоха устремленій—всѣхъ искреннихъ и сильныхъ къ новой правдѣ, къ глубокому сознательному и стройному творчеству». И въ той же статьѣ читаемъ еще: «мы знаемъ только, что это ликъ (ликъ Аполлона)... современный—всѣми предчувствіями новой культуры, новаго человѣка, овѣянный ликъ... нѣтъ ничего нужнѣе, насущнѣе идеала... какое старое, безароматное, точно угасшее слово и все-таки оно должно горѣть опять, чтобы вдохновились эстетическія стремленія человѣчества»...

Но какъ же это случилось, что въ журналѣ, гдѣ все звало къ новой культурѣ и «нетлѣнной красотѣ идеала», какъ случилось, что здѣсь же раздаются теперь призывы въ лѣсныя чащи къ звѣринымъ добродѣтелямъ и выкрики: «долой наслоенія культуры, плевать намъ на идеалы и вѣчное, не хотимъ непознаваемаго».

„Для искусства самое страшное—мертвый образецъ“, предупреждалъ когда то „Аполлонъ“, но вступая въ третій годъ изданія, самъ сталъ онъ „мертвымъ образцомъ“, самъ оказался во власти обмана, выдуманныхъ ощущеній, фальшиваго эффекта и притязательной позы...

ВАСИЛИСКЪ ГНѢДОВЪ.

Огнянна свита.

Гриба будик цири чіпіг--
Здвіна на хам дяки,
Коли за гичь будин цікавче
Тарасъ Шерченко будяче скавче--
Гуля ласкавъ стогма регота цвірка
Свитина ззіла сонкэ.
Байдры шлига шкапік рука
На дьготі сила хмара—
А з зірок поів опару

Перша эго—футурня пісня
на украіньской мові.
Усім набридли Тарас Шевченко.
Та гопашникъ Кропівницькій.
Ніхто ни збреше, що Я свидачій,
Забувъ украйців.

Громовая линія простора
На лосиных спинах башмаки
Расписался молніей по небе
Сизотѣлый воевода Василиск.

Шекспиръ и Байрон владѣли совмѣстно
80 тысячами словъ—
Геніальнѣйшій Поэтъ Будущаго
Василискъ Гнѣдовъ ежеминутно
владѣетъ 80000000001 квадратныхъ словъ.

Гипо-литографія
СПБ. Невскій
Т-ва „СВѢТЪ",
просп., д. 136
1913.

ОИК-68193

стами, а съ геометристами. На стр. 191 — критикъ умудрился гуннскіе принципы Зенкевича—уже безспорно акмеиста—втиснуть въ эго-футуризмъ. Слово «заумный» не было выдумано эго-футуристами и къ себѣ ими никогда не примѣнялось (стр. 194). 2) Послѣ всего вышесказаннаго невольно возникаетъ вопросъ: заслуживаетъ ли г-нъ Рѣдько той „вѣры—кредита“, на который не имѣетъ право расчитывать эго-футуризмъ по разсужденіямъ г-на критика. Возникаетъ еще одинъ вопросъ, болѣе грустный, болѣе тягостный: „кому на судъ должны, мы молодые, геніальные эго-футуристы, отдавать свои поэзы!“ И развѣ можно упрекать насъ, что въ отвѣтъ на критику г-ну Рѣдько мы ему крикнемъ: „Руки долой! Сначала вымойте руки!“.

Какъ же можемъ мы претендовать на недоумѣніе публики, если ей критикой преподносится подъ ярлыкомъ: „эго-футуризмъ“ безграмотная мазня г.г. «Гиляйцевъ“ и сотрудниковъ „союза молодежи“?

Въ одной изъ русскихъ газетъ недавно надъ отчетомъ о футбольныхъ состязаніяхъ въ Норвегіи стоялъ заголовокъ: «Дебаты въ Норвежскомъ парламентѣ». Не пародировалъ ли г-нъ Рѣдько эту газету, написавъ длинную статью о эго-футуризмѣ, гдѣ нѣтъ ни слова отъ эго-футуризма.

Вотъ эти строки я прошу Васъ, г-нъ директоръ, сдать въ печать.

Вашъ преданный Вадимъ Шершеневичъ.

Москва, Іюнь, 1913.

P. S. Экземпляръ VIII эдиціи съ этимъ письмомъ прошу послать въ редакцію „Русскаго Богатства“ для г-на Рѣдько.

Отъ Редактора.

1) Василискъ Гнѣдовъ выступалъ на ихъ Диспутахъ лишь въ качествѣ опонента и блестяще доказалъ всю ихъ несостоятельность.

2) Хотя было заимствовано у эго-футуристовъ и преподнесено подъ другимъ соусомъ, кк и мног. основныя положенія.

Ив. Игнатьевъ.

Издательство „Петербургскій Глашатай“ И. В. Игнатьева (СПБ., 27, 6-я Рождественская) обнародываетъ:

Эдиціи Издательства:

И. В. Игнатьевъ—„Около Театра“
Василискъ Гнѣдовъ—„Гостинецъ Сентиментамъ“
П. Широковъ—„Розы въ винѣ“
Альманахи Эго-Футуристовъ:
„Оранжевая Урна“, „Стеклянныя Цѣпи“,
„Орлы надъ пропастью“,
„Дары Адонису“ и „Засахаре Кры,—

РАСПРОДАНЫ.

Книжни:

Вольфъ—18, Гост. Дворъ.
Карбасниковъ—19, Гост. Дворъ.
Лебедевъ—21, Литейный пр.
Мелье—20, Невскій пр.
Митюрниковъ—31, Литейный пр.
„Новый Путь“—51, Литейный пр.
„Сѣверная Лира“—2, Владимірскій пр.—
Ясный—66, Невскій пр.,—СПБ.

Представители:

Москва—„Наука“—10, Б. Никитская.
Харьковъ—Т. Д. „А. Г. Дредеръ“. 21, Московская ул.
Воронежъ—В. Б. Лехно—36, Алексѣевская ул. —
Кіевъ—Н. Я. Оглоблинъ—33, Крещатикъ.

Продаютъ:

П. Широковъ—„Въ и Внѣ“—Поэзы. II. 50 к.
Василискъ Гнѣдовъ — „Смерть Искусству“ — 15 поэмъ съ пресловіемъ Ивана Игнатьева—30 к.
„Бей, но выслушай!“—VI альманахъ Эго-Футуристовъ—50 к
„Всегдай“—VII альманахъ Эго-Футуристовъ—65 к.

Открытки:

Портретъ Ареопага Ассоціаціи Эго-Футуризмъ
» И. В. Игнатьева.—
у Аванцо и Ко—3, Невскій пр.
Б. Аванцо—9, Морская ул.
Антонова—16
Тапкина—14 } Загородный пр.
Юделевича—22